

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Сергей МАКСУДОВ

ПОБЕДА НАД ДЕРЕВНЕЙ

Демографические потери коллективизации

Москва • Челябинск

УДК 338(470+571):34.03

ББК 65.9(2Рос)+67.021

М6

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Максудов, Сергей

М6 Победа над деревней : Демографические потери коллективизации /
Сергей Максудов. — Москва ; Челябинск : Социум, 2019. — 601 с.
ISBN 978-5-906401-94-6

Книга посвящена трагическим событиям в советской деревне в 1929–1934 годах. Она опирается на комплекс источников — архивные материалы, воспоминания очевидцев, постановления советских властей, опубликованная литература. В работе охарактеризованы причины, масштабы и последствия преобразований в деревне, получивших название «коллективизация», рассматривается изменение демографических параметров (рождаемость, смертность, численность населения) и оцениваются размеры потерь от раскулачивания, депортации и голода во всей стране и в отдельных, наиболее пострадавших регионах.

УДК 338(470+571):34.03

ББК 65.9(2Рос)+67.021

ISBN 978-5-906401-94-6

© ООО «ИД «Социум», 2019

Содержание

От автора	9
Список принятых сокращений	11

Часть I. ИСТОРИЯ

Глава 1. Иосиф — ФАРАОН	15
Глава 2. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ — РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ	19
На хлебном фронте	20
Разведка боем	27
Цена ошибки	33
Глава 3. ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ	36
Кулаки и «партейцы».	40
Судьба кулаков	44
Третья категория	46
И восстал брат на брата	47
Глава 4. РАЗОЧАРОВАНИЕ.	49
Недовольство крестьян	53
Урожай 1932 года	57
Хлебозаготовки 1932 года	62
Глава 5. СТАЛИН НА ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ	72
Украина	74
Северный Кавказ	87
Глава 6. ПИТАНИЕ СЕЛА	92
Глава 7. ПИТАНИЕ ГОРОЖАН	99
Глава 8. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГОЛОДА	106
Глава 9. ГОЛОД	117
Глава 10. НОВЫЙ ПОРЯДОК	137
Политотделы	144
Устав сельскохозяйственной артели	147
Единоличникиц	151
«И будете есть хлеб свой из рук моих!».	155
Новое или старое крепостное право	158
Глава 11. ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГОЛОДА В СССР 1932–1933 ГОДОВ	161
Глава 12. БЫЛ ЛИ ГОЛОДОМОР ГЕНОЦИДОМ	163

Часть II. ДЕМОГРАФИЯ

Глава 13. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	170
Городское население	173
Сельское население в 1926 году	190
Возраст, уровень образования, национальный и социальный состав населения	194
Глава 14. ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ	200
Глава 15. ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ	217
Перепись 28 августа 1920 года	220
Городская перепись 15 марта 1923 года	221
Перепись 17–30 декабря 1926 года	221
Перепись 11 января 1937 года	235
Перепись 17 января 1939 года	244
Глава 16. РОЖДАЕМОСТЬ	267
При царе	267
Война	274
НЭП	275
Индустриализация и коллективизация	286
Катастрофа	292
В стране победившего социализма	305
Глава 17. СМЕРТНОСТЬ	308
Перед революцией	308
После Гражданской войны	314
Смертность в 1930-х годах	327
Смертность на Украине	330

Часть III. ПОТЕРИ

Глава 18. ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ	345
Глава 19. МЕТОДИКА РАСЧЕТА	352
Расчетная выборка	353
Перепись 1937 года	359
Таблицы смертности	361
Численность новорожденных	363
Глава 20. РАЗМЕРЫ ПОТЕРЬ	366
Потери в результате депортации кулаков	368
Потери населения Украины	377
Потери казахов	383
Подводя итоги	394
Глава 21. РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ	398

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Голод в дореволюционной России и в 1921 году	408
Приложение 2. Голод 1891 и 1921–1922 годов на Украине . . .	419
Приложение 3. Сведения ОГПУ о голоде 1933 года	427
Приложение 4. Сведения о поголовье скота у селян Украины	439
Приложение 5. Доходы, расходы, затраты труда и питание колхозников Украины в 1935 году	446
Приложение 6. Баланс расхода зерна в 1932/33 году	449
Приложение 7. Точность учета численности населения	454
Приложение 8. Коррекция численности населения в 1939 году.	460
Приложение 9. Браки и разводы в СССР	463
Приложение 10. Браки и разводы на Украине	467
Приложение 11. Восточные народы	471
Приложение 12. Аборты	480
Приложение 13. Численность женщин 15–49 лет	486
Приложение 14. Коэффициент рождаемости по сведениям о плодовитости	491
Приложение 15. Тенденция изменения плодовитости в 1920–30-х годах	496
Приложение 16. Оценка рождаемости разными авторами в 1913–1926 годах	503
Приложение 17. Точность сельскохозяйственной статистики	508
Приложение 18. Влияние высокой смертности на продолжительность жизни	519
Приложение 19. Смертность в украинском селе Романково . .	528
Приложение 20. Таблицы смертности	532
Приложение 21. Детская смертность	544
Приложение 22. Расчет коэффициентов потерь	553
Приложение 23. Сведения ЗАГСов по регионам РСФСР	556
Приложение 24. Балансы миграции	558
Приложение 25. К истории этой книги	579
Библиографические ссылки на источники	585

*Моей бабушке, Татьяне Ефимовне Коренблат, которая,
нарезая хлеб, всегда смахивала крошки со стола
и отправляла их в рот.*

От автора

*Кукушка воробью пробила темя,
За то, что он кормил ее все время.*

Вильям Шекспир. Король Лир

Слова Шекспира, вынесенные в эпиграф, абсолютно точно показывают, что случилось в конце 1920-х — начале 1930-х годов в СССР. Крестьянство, кормившее страну, было поставлено перед жестокой альтернативой: голодная смерть или полное подчинение распоряжениям властей. Это была вторая гражданская война, в которой погибли миллионы. Война бедных против зажиточных, города против деревни, государства против сельского жителя. В советской прессе эти события получили в свое время множество наименований: «аграрная революция», «второй шаг Октября», «великий перелом». Все характеристики по-своему справедливы. Общепринятое название этих преобразований — коллективизация¹. Она была естественным завершением Октябрьской революции, кровавой битвой между Коммунистической партией и селом. Подсчет числа жертв этой катастрофы является главной целью книги.

Я начал работу над этой темой 40 с лишним лет назад (подробнее см. прил. 25). Первый раз почти завершил ее в 1983 г., когда передал рукопись объемом 1250 страниц Украинскому институту Университета города Эдмонтон в Канаде. Книга до типографии не дошла, но я продолжал обсуждать затронутые в ней проблемы на международных конференциях и в статьях.

Разгоревшаяся между российскими и украинскими учеными полемика вокруг вопроса, является ли голодомор геноцидом, в ходе которой выяснилось, что пока нет общепризнанных научно

¹ Название плохо соотносится с реальностью 1930-х годов. В то время власти решительно уничтожали сельские коллективы: общину, производственную кооперацию, сельские коммуны. Труд колхозников на полях был коллективным в такой же мере, как в свое время барщина, только помещика заменило государство. Сельский житель на колхозном поле работал на государство, получая (или не получая) мизерную оплату трудоднями, а на приусадебном участке трудился на себя, выплачивая оброк государству. Впрочем, происходит переосмысление многих советских терминов. Сергей Красильников справедливо замечает, что раскулачивание практически не было направлено против кулаков, это было раскрестьянивание.

обоснованных оценок размеров потерь в годы коллективизации, заставила меня вернуться к этой работе. Я не согласен с утверждением, что происходил геноцид украинского народа. Попытка сегодня использовать трагедию голодомора в политических целях, желание поссорить два братских народа мне крайне неприятны, но при этом абсолютно недопустимо равнодушное отношение к этой трагической странице истории. В Москве нет ни одного памятника миллионам жертв коллективизации. Мы не должны оставаться Иванами, не помнящими родства. Нужны музеи, памятники, перечни погибших в каждом селе, поселке, городе, районе.

Эта книга включает историческое описание происходивших событий, демографическую картину движения населения СССР в 1920–30-е годы и расчеты повышенной убыли населения. В первых двух частях в значительной степени использованы публикации прошлых лет, расчет потерь выполнен по новым данным из российских архивов и новой, прежде не применявшейся методике.

Я благодарен руководителю Украинского института Эдмонта на Богдану Кравченко, который в свое время инициировал и финансировал это исследование и оказал большую помощь в сборе необходимых материалов. Хочу сердечно поблагодарить всех, кто поддерживал меня все эти годы, и в первую очередь Владимира Малинковича, Михаила Денисенко, Александра Немцова и всю семью Бабёнышевых и Покровских.

Список принятых сокращений

- АДХ** — Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.
БСЭ — Большая советская энциклопедия.
ВМН — высшая мера наказания (расстрел).
ВМСЗ — высшая мера социальной защиты (расстрел).
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.
КК — контрольная комиссия.
РГАЭ — Российский государственный архив экономики.
РКИ — рабоче-крестьянская инспекция.
СЗ — сборник законов.
СХ — сельское хозяйство.
НХ — народное хозяйство.
СС — социалистическое строительство.
СКК — Северокавказский край.
ДВК — Дальневосточный край.
НВК — Нижневолжский край.
ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦСК — Центральный статистический комитет.
ЦСУ — Центральное статистическое управление.
ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета.
ЦЧО — Центрально-Черноземная область.
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление.
ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
Непфонд — неприкосновенный фонд.
ДОПР — дом предварительного заключения.
WKP — номер кассеты в Смоленском архиве (Партийный архив Западной области (ПАСО), вывезенный в годы войны в Германию и хранящийся сегодня в виде видеокассет и ксерокопий во многих американских и европейских университетах).

ЧАСТЬ I
ИСТОРИЯ

Глава 1. ИОСИФ — ФАРАОН

И вот, вышли из реки семь коров, тучных плотию и хороших видом, и паслись в тростнике. Но вот, после них вышли семь коров худых, очень дурных видом и тощих плотию; я не видывал во всей земле Египетской таких худых, как они. И съели тощие и худые коровы прежних семь коров тучных. И вошли тучные в утробу их, но неприметно было, что они вошли в утробу их: они были так же худы видом, как сначала.

Бытие 41: 18–21

Как известно, в далекие времена находчивый еврейский пастух Иосиф предложил фараону египетскому поставить под контроль производство и распределение сельскохозяйственной продукции. Для этого в течение семи лет строились элеваторы, накапливались запасы зерна, а когда наступили трудные неурожайные годы (опять же семь), фараон скупил за кусок хлеба у голодных крестьян их участки и стал единственным землевладельцем в стране, монопольно распоряжаясь плодами полей и водой Нила в течение тысячелетий. Понимая, что всякое сравнение неточно, а любая аналогия условна, рискнем, однако, сопоставить библейскую легенду с событиями, происшедшими 85 лет назад в нашей стране.

Среди большевистских вождей многие могли бы претендовать на роль Иосифа. Большое участие в проведении коллективизации приняли Л. М. Каганович, замещавший Сталина во главе Политбюро во время продолжительного отпуска вождя в 1932 г., и В. М. Молотов, который возглавлял правительство, а также сельскохозяйственный отдел ЦК и руководил одной из важнейших комиссий Политбюро — «О кулаке». Головокружительную карьеру сделал Я. А. Яковлев (Эпштейн), ставший первым наркомом земледелия СССР и возглавивший комиссию Политбюро по коллективизации¹. И все же ни Яковлев, ни другие партийные вожди

¹ В начале своего восхождения Яковлев был активным борцом против левого уклона (Троцкий, Зиновьев и Каменев), требовавшего повышения сельхозналога на 300 млн руб. В 1926/27 г. Яковлев с помощью гнездовых сельскохозяйственных переписей доказал, что кулаков в деревне нет, лишь 2,6% крестьян имеют доход 100–150 руб. в год на едока, а свыше 150 руб. — всего 0,6% хозяйств. Для

не могут претендовать в полной мере на роль Иосифа Прекрасного. Фигура Иосифа Виссарионовича (прекрасным его не называли даже в самый разгар культа) была во всех отношениях определяющей. В одном лице совместились все виды власти и формы управления, совпали Иосиф и фараон. Именно Сталину принадлежат основные идеи преобразований и методы их осуществления. Ему, судя по всему, снились вещи (марксистские) сны, и он же выступил их толкователем.

Как ни отличны друг от друга Древний Египет и СССР, нельзя не отметить общие черты систем, возникших в результате аграрных преобразований. Иерархическая, бюрократическая концентрация в одних руках управления производством и распределением, высокая «товарность», аресты и высылка на стройки за плохую работу или неуплату налогов. Даже в пристрастии к монументальным сооружениям, будь то каналы, высотные здания или пирамиды, прослеживается сходство вкусов.

Много общего можно отметить и в методах решения аграрной проблемы. Неожиданность начала преобразований, предвидимый голод как главное звено построения новой системы, семь благополучных лет, за которыми последовали семь «тощих». Поразительно, что во сне фараона тощие коровы пожрали тучных, но при этом «были так же худы видом, как и сначала». Применительно к древнеегипетским событиям это мало о чем говорит, так как после реформы наступило изобилие. Однако для советского

сравнения укажем, что зарплата служащего составляла в это время 960 руб. в год [*Итоги десятилетия*, с. 347]. Не было, по мнению Яковлева, и избытков хлеба в деревне, небольшие запасы являлись лишь необходимым резервом на случай неурожая. Он справедливо, опять же с цифрами в руках, доказал, что до революции налоги на село были меньше (564 млн руб. вместе с арендной платой) и выплачивали их главным образом зажиточные крестьяне, купившие или арендовавшие землю. В 1926 г. выплаты села в тех же довоенных рублях составили 1312 млн, и они приходились, по утверждению Яковлева, в основном на середняка. В речи Яковлева есть прямо-таки пророческие слова: «Понимает ли партия, что зерновая проблема не является сегодня главной в сельском хозяйстве?» Он имел в виду более высокую товарность животноводства и технических культур, развитие которых могло дать больший доход как внутри страны, так и во внешней торговле. И сам же оратор ответил: «Партия этого, кажется, не понимает» [Яковлев]. Прошел всего год, и большевики, так и не успев ничего понять, начали поход в деревню за зерном, а Яковлев, вопреки своим разумным соображениям, возглавил борьбу за то, чтобы отнять у крестьян уже не триста миллионов, а миллиарды рублей. Начиная с 1930 г. Яковлев постоянно появляется на государственной сцене с сообщениями и проектами. Он докладывает о колхозном строительстве на XVI съезде партии, является автором Устава сельскохозяйственной артели и множества других партийных решений и документов.

сельского хозяйства эта деталь сна фараона кажется пророческой. Конечно, читатель возразит, что нехватка продовольствия в 1929—1936 гг., как и в последующие годы, не воля богов, а дело рук человеческих. Это верно. Но можно предположить, что и в Египте события развивались не совсем естественным образом. Семь неурожайных лет подряд в районе орошаемого земледелия — явление маловероятное. Да и сны фараона, истолкованные Иосифом, выглядят подозрительно.

Существенное различие заключается, на мой взгляд, в том, что реформы библейского Иосифа были тщательно подготовлены. Он знал, чего хочет, запас необходимые средства, приступил к преобразованиям и пришел к намеченной цели, избежав голода, благословляемый жителями страны. По сравнению с этими продуманными мерами действия советских вождей выглядят непоследовательно и нелепо. Вот несколько примеров.

1. В декабре 1920 г. VII съезд Советов принимает решение о социализации крестьянского хозяйства (каждое хозяйство подлежит планированию, контролю и управлению из центра). В феврале 1921 г. упраздняются деньги.

А через месяц, в марте 1921 года, вводится НЭП, государство отказывается от управления селом, торговлей и некоторыми отраслями промышленности. Деньги не просто возвращаются в оборот, а приобретают важнейшее значение.

2. Земля дается навеки всем, кто на ней работает.

Вскоре землю изымают у бывших помещиков, даже у тех, кто сам на ней работает, затем отбирают ее у кулаков. Наконец, все та же земля передается колхозам.

3. С введением НЭПа продразверстка сменяется продналогом, крестьяне начинают выплачивать налог деньгами.

В 1928 г. вводятся обязательные поставки по фиксированным ценам, затем продразверстка с обысками и арестами и, наконец, колхозная барщина и государственный оброк.

4. Арендовать землю и нанимать рабочих не позволено, затем разрешено. Расширение возможностей аренды земли было осуществлено решением ЦИК и СНК 16 октября 1929 г.

А первого февраля 1930 г. аренда была полностью запрещена, и арендаторы начали подвергаться аресту и конфискации имущества, высылке на север, туда же отправались многие, прибегавшие к оплачиваемой помощи в работе или по дому (СЗ. 1929. № 69. С. 1320).

5. Трактора необходимы для создания коллективных социалистических хозяйств.

Колхозы можно и нужно создавать без тракторов и сельскохозяйственных машин.

6. План коллективизации, утвержденный XV съездом ВКП(б) в 1927 г., предусматривал объединение 15% хозяйств к 1932 г.
Осуществление плана — вступление в колхозы 60% хозяйств за два месяца 1930 г.

Хаотичность и непоследовательность действий были таковы, что самые послушные, старательные, честные исполнители не могли понять, чего от них, в конце концов, требуют: загонять крестьян в колхозы или не загонять, обобществлять скот и птицу или нет, выдавать зерно авансом при обмолоте или отнимать его. Одно они знали хорошо: за невыполнение очередного приказа наказание будет суровым. Впрочем, в этом отношении все фараоны одинаковы.

Сопоставляя поведение Иосифа и советских вождей, можно подумать, что Госплан, ЦСУ, ВАСХНИЛ и прочие полезные учреждения функционировали в Древнем Египте, а не в СССР. Вряд ли можно объяснить расхождение методов национальными традициями — простодушным русским «авось» и семитской расчетливостью египтян. Лишь отчасти справедливо замечание, что у фараонов был позади многовековой опыт управления, а советская власть возникла без году неделя. Потому «отчасти», что фараону не приходилось бороться за власть. Непоследовательность действий сталинистов вытекала из необходимости маневрировать при устранении политических противников, которыми поочередно становились многие бывшие соратники. Главной целью было достижение безраздельной власти, а тактические шаги предпринимались в зависимости от обстоятельств. Сравнивая готовую постройку с проектными чертежами, мы почти не найдем соответствия в конструктивных решениях. Но колхозная система выполнила то, ради чего она была создана, — был достигнут полный контроль над жителями деревни, над производством и распределением продукции. Возникла огромная, современная, советской выделки сталинская экономическая пирамида.

Глава 2. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ — РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ

Гражданская война закончилась военной и политической победой большевиков и их поражением на экономическом фронте. Хозяйство страны было разрушено, правительство было вынуждено отказаться от полного контроля над экономикой и перешло к так называемой Новой экономической политике (НЭП), которая была новой для руководителей страны, а для населения означала частичное восстановление старой жизни. Вслед за этим началось возвращение к нормальной хозяйственной деятельности, появились продукты и другие товары, начали функционировать системы снабжения, образования, медицинского обслуживания. Жители постепенно приходили в себя после пережитой катастрофы.

У большевиков, оказавшихся волею судеб правителями страны, семь мирных лет ушли на внутрипартийную борьбу за власть, которая маскировалась расхождениями во взглядах о направлении дальнейших преобразований. Необходимость переустройства не ставилась под сомнение, она вытекала из несовпадения существующего положения с марксистскими идеями. Разными были лишь методы, предлагавшиеся для реорганизации, и оценки степени допустимого давления на население. Одновременно шло быстрое пополнение партии и государственного аппарата новыми людьми, старавшимися занять теплое местечко и готовыми ради этого на многое.

К 1928 г. произошло несколько существенных, хотя внешне не слишком заметных событий. Страна приблизилась к довоенному экономическому уровню, воспринимавшемуся многими как важный качественный рубеж, за которым должен последовать новый шаг. Кроме того, равновесие в среде партийных руководителей сместилось, и Сталин сумел получить поддержку значительной части партийной элиты. Это позволило ему устранить из политической жизни оппонентов и одному определять методы решения проблемы. Передышка закончилась, началось наступление на деревню. Это был кульминационный момент развития советского государства, подчинение бюрократической системе управления огромной массы сельского населения. О революционном характере реформ свидетельствуют и масштаб изменений, и скорость перемен, и насильственные методы реорганизации.

Обычно революции опираются на недовольство населения очевидными пороками общества (социальные конфликты, стагнация экономического развития, падение уровня жизни). Сильная сторона революционеров состоит в подчеркивании этих очевидных недостатков существующего строя, отталкиваясь от которых они проектируют вектор перемен в противоположном направлении так, чтобы выбранный курс отражал настроения и потребности общества. Особенностью коллективизации было преобладание обещаний, светлых перспектив над критикой реально существующей ситуации. Преобразования затевались не потому, что дальше так жить было нельзя, а из-за убежденности руководителей в том, что возможны более удачные способы организации производства. Естественно, что такая идеология не пользовалась широкой поддержкой населения. По этой причине, из-за отсутствия в стране экономических предпосылок для преобразований, а также потому, что во главе страны стояли бывшие революционеры, перемены носили насильственный характер.

Коллективизация была революцией сверху. Правительство разрушало существующую систему производства, традиции, обычаи и нормы хозяйственной жизни, нарушало собственные обещания и законы страны, а порой вступало в конфликт с законами природы и здравым смыслом. Опорой властей при проведении преобразований служили государственный и партийный аппараты, ОГПУ-НКВД, комсомольская молодежь, мобилизованные рабочие и некоторое количество крестьян-бедняков, связавших себя в прошлом с действиями властей. Противостояло реорганизации большинство жителей страны: почти все крестьяне и значительная часть горожан. Эта революция меньшинства против большинства, конечно, не могла быть проведена без широкого применения насилия. Но была еще одна особенность, осложнявшая положение: ошибочность предпосылок.

На хлебном фронте

Впервые лозунг коллективизации в более или менее отчетливой форме был выдвинут в декабре 1927 г. на XV съезде партии. В резолюции съезда говорилось: «Одной из основных предпосылок развития СССР к социализму является подъем производительных сил деревни и рост благосостояния широких крестьянских масс. Социалистический город может вести за собой деревню только на этом пути, всемерно способствуя постепенному переходу

от индивидуального собственнического хозяйства, которое еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства, к коллективным формам... Этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян» [*Коллективизация*, с. 18, 21].

В соответствии с решениями съезда был составлен план роста производства сельскохозяйственной продукции на 20–30%, в значительной степени благодаря созданию крупных коллективных хозяйств, которые к концу 1932 г. должны были охватить 15% сельского населения. Нельзя сказать, что такой рост выглядел нереальным. В предыдущее пятилетие (1923–1927) продуктивность различных отраслей сельского хозяйства возросла на 30–50%. Неплохими были и дореволюционные темпы (33% с 1900 по 1914 г.).

В 1913-м, последнем предвоенном году, в России было собрано 5 млрд пудов зерна, 26% которого было продано на внешнем и внутреннем рынках. При этом на долю помещиков приходилось 12% валового сбора, но их хозяйства работали на рынок, продав 46,9% созданной продукции. У кулаков товарность хозяйства была поменьше (34,2%), но половина зерна на рынке принадлежала им. Средняки и бедняки произвели чуть больше половины зерна в стране, но от продаж их доля составляла всего 28,4%. В 1928 г. в брошюре с характерным названием «На хлебном фронте» Сталин привел эти данные, сравнив их с выходом товарной продукции в 1926/27 г. (табл. 1.1¹).

В 1926/27 г. деревня оставляла себе почти семь восьмых урожая. Можно было бы порадоваться за село, припомнив слова Ленина о том, что «крестьянин никогда еще в течение долгих веков нашей истории не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам в город и за границу»?

Казалось бы, к этой фразе не следует относиться серьезно, ведь в советское время дореволюционный «голодный» уровень потребления оставался для сельского жителя недостижимой мечтой. И все же в ней есть некоторый резон. Сравнительно высокая товарность сельскохозяйственного производства до революции

¹ Как стало известно впоследствии, таблицу подготовил для Сталина академик С. Немчинов. Однако он не опубликовал в своих трудах методов расчета или обоснования данных. Попытка отыскать в архивах Немчинова эту рукопись, предпринятая историком И. А. Чемерисским [с. 62–67] в начале 1970-х годов, не увенчалась успехом.

Таблица 1.1. Производство и товарность зерна

	Валовой сбор		Товарность		% в товарности
	млн пудов	%	млн пудов	%	
1913					
Помещики	600	12,0	281,6	21,6	46,9
Кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34,2
Средняки и бедняки	2500	50,0	369,0	28,4	14,8
Итого	5000	100,0	1300,6	100,0	26,0
1926/27					
Колхозы и совхозы	80	1,7	37,8	6,0	47,2
Кулаки	617	13,0	126,0	20,0	20,4
Средняки и бедняки	4052	85,3	466,2	74,0	11,5
Итого	4749	100,0	630,0	100,0	13,0

Примечание. В 1913 г. урожай зерновых был высокий, и, естественно, товарность была выше средней.

Источник: [Сталин, т. 11, с. 81–97].

достигалась частично за счет снижения потребления села, особенно продуктов животноводства.

Но Сталин не для того открывал свой «фронт», чтобы дать возможность крестьянам лучше питаться. Для него очевидно другое: товарная продукция упала, так как исчезли крупные помещичьи и кулацкие хозяйства. С другой стороны, в социалистических крупных хозяйствах (колхозах и совхозах) товарность не ниже, чем у помещиков. Вывод: для увеличения товарности надо создать больше колхозов и совхозов, то есть провести коллективизацию.

Довод Сталина прост и на первый взгляд не лишен привлекательности. Известно, что помещичьи усадьбы работали в большой мере на рынок. Известно, что советское правительство испытывало трудности со снабжением городского населения хлебом, в то время как до революции хлеба в городах было вдоволь. Развивалась промышленность, городское население росло; нужно было думать, как его прокормить. Приводя в 1952 г. сталинскую табличку, автор «Истории народного хозяйства СССР» бывший министр сельского хозяйства в правительстве Керенского С. И. Прокопович писал: «Цифры эти не могут претендовать

на точность, но, в общем и целом, они правильно рисуют хлебные балансы России 1913 г. и 1926/27 г. Аграрная революция совершенно уничтожила помещичьи хозяйства, в три раза сократила продукцию зажиточных крестьян, имевших значительные запашки, значительно увеличила продукцию хозяйств средних и беднейших крестьян и создала небольшое количество коллективных и советских хозяйств. В итоге продукция зерновых хлебов упала на 5%. Но на товарную часть хлебной продукции аграрная революция оказала катастрофическое действие: она упала наполовину. Сокращение посевов у зажиточных крестьян, естественно, должно было понизить товарность их продукции; но она упала и в хозяйствах средних и бедных крестьян, которые, увеличив свою валовую продукцию на 62%, увеличили количество хлеба, выпущенного на рынок, только на 26,3%. Очевидно, большинство крестьян воспользовались результатом аграрной революции, прежде всего для повышения своего личного потребления; они перестали вести полуголодное существование и стали есть досыта» [Прокопович, т. 1, с. 176].

Трудно согласиться с Прокоповичем в том, что таблица дает верное представление о хлебных балансах. По данным известного историка сельского хозяйства России А. М. Анфимова [с. 296], сокращение товарности зерна в рассматриваемый период, если оно имело место, не превышало 5–10%, а товарность зерна в 1913 г. составляла 24%. В среднем за 1909–1913 гг., по оценкам ЦСУ, товарность была 21% [СХ, 1960, с. 86] или 22% [Итоги десятилетия, с. 214–215]. Оценка товарности в 1926/27 г. Сталиным заметно занижена. Она даже ниже государственных заготовок, составивших в 1926/27 г. 15% урожая. Оценка по железнодорожным и морским перевозкам, принятая до революции, дает 21,5%. Исследователи оценивают товарность 1926/27 г. от 19 до 30%: В. С. Немчинов [т. 4, с. 330–336] — 22%; В. П. Данилов [1979, с. 166] — 21,3%; Ю. А. Мошков [с. 23–24] — 20–22%; П. С. Лященко [т. 3, с. 244] — 21%; В. Н. Яковецкий [с. 145] — 29,7%; В. Г. Громан [с. 200–219] — 27%, в том числе экспорт 11,8%. Мы видим, что сокращение товарности если и было, то не превышало 1–3%. А причины для возможного сокращения были очень серьезными — снижение валового сбора примерно на 10% и рост сельского населения на 7%. Так что, вопреки утверждениям ряда советских исследователей и партийных пропагандистов, потребление зерна на одного сельского жителя в 1926/27 г. не только не увеличилось по сравнению с дореволюционным временем, но и, напротив, сократилось.

Недостатком сталинского подхода было использование сведений только о зерне. На зерновые приходилось не более трети всей товарной продукции села. Товарность по мясу составила в 1913 г. 38,1%, в 1926/27 г. — 40,9%, в 1927/28 г. — 42% [Яковецкий, с. 146]. Общая товарность сельскохозяйственной продукции по одним сведениям была выше, чем в 1913 г., по другим примерно одинакова — 30% [СХ, 1960, с. 23–24].

Таким образом, можно утверждать, что к концу 1920-х годов сельское хозяйство хотя немного отставало от довоенного уровня по валовому производству продукции, догнало его по товарности. Некоторое снижение товарного выхода зерна компенсировалось животноводством, огородными и техническими культурами. Если учесть, что производительность была в среднем ниже, чем до революции, а население села увеличилось, то сохранение того же уровня товарности означало, что крестьяне снизили собственное потребление, чтобы больше продать на рынке. Причин для этого было немало: рост налогов, ножницы цен на промышленные товары, необходимость приобретения средств производства, не обновлявшихся за годы Мировой и Гражданской войн, сокращение поголовья лошадей (главных потребителей овса).

Рассмотрим данные Сталина о товарности различных типов хозяйств. Говоря о высокой товарности помещичьего хозяйства, не следует забывать, что это было специализированное производство. Как таковое оно нуждалось в сотрудничестве с мелким хозяином. У помещика практически не было скота, и для полевых работ он нанимал крестьян с лошадьми. Все потребление зерна рабочими и скотом шло за счет хозяйств мелкого производителя. Следовательно, если бы в стране зерно производили только помещики, то доля продаж зерна в город и за границу была бы гораздо меньше, так как помещичьим хозяйствам пришлось бы взять на себя и все расходы сельского населения. Это и произошло с советскими аналогами помещичьих хозяйств — колхозами и совхозами. Сотни монографий советских авторов расписывали высокую товарность колхозного производства перед коллективизацией. В 1920-е годы, пока колхозов было мало, их невысокая производительность маскировалась тем, что коммуны и совхозы располагали несколько более плодородной землей, поскольку были созданы в бывших помещичьих усадьбах; они были лучше оснащены технически; и, конечно, манипуляции с отчетностью играли определенную роль. Зерновые совхозы, подобно помещичьим хозяйствам, были или по крайней мере стремились быть специализированным производством,

со своими рабочими они расплачивались деньгами. Естественно, что, за вычетом расходов на семена, вся совхозная продукция рассматривалась как товарная. Другое дело, что сами рабочие совхозов, покупая муку и хлеб, превращались в потребителей. Другими потребителями были животноводческие совхозы, не производившие зерна. Таким образом, реальная товарность совхозного производства в системе взаимоотношений между деревней и городом была намного ниже, чем та, о которой рапортовали официальные отчеты.

Сказанное относится и к колхозам. Первые колхозы не были обычно универсальными хозяйствами; в частности, они не уделяли достаточного внимания животноводству. Вдобавок комплектовались почти исключительно из бедняков и батраков — людей со сравнительно малочисленными семьями. Наконец, говоря о высокой товарности колхозов в конце 1920-х годов, не учитывают обычно, что обобществление земли поначалу было неполным. В 1928 г. внутри самих коллективных хозяйств было обобществлено лишь около 54% обрабатываемой земли [НХ, 1932, с. 130]. Колхозник обеспечивал свою семью за счет собственного поля, которое следовало бы тоже принять в расчет при определении товарности колхозного производства.

В советской литературе обходился стороной вопрос, почему, когда колхозов стало много, их товарность и производительность оказались ниже, чем в хозяйствах единоличников. Очевидно, что либо авторы манипулируют ложными сведениями, либо колхозы стали другими. На самом деле произошло и то и другое.

Курьезный пример подтасовки сведений дает нам сталинско-немчиновская табличка. Данные о товарности зерна за 1926/27 г. совпадают в ней с публикацией ЦСУ [*Итоги десятилетия*, с. 214–215]. Однако, по данным ЦСУ, валовой сбор зерна колхозами и совхозами был не 80, а 96 млн пудов. Зачем же вождю понадобилось преуменьшать успехи столь любимых им коллективов? Дело в том, что при указанном ЦСУ валовом сборе товарность социалистических хозяйств получалась меньше, чем до революции у помещиков. Этого нельзя было допустить! Пришлось преуменьшить урожай колхозов, чтобы хоть немного превзойти помещиков по товарности.

Подобные манипуляции производились в те годы не только на самом высоком уровне. Тесно связанные с местными властями колхозы имели возможность получать ссуды, которые в производстве и товарности не учитывались. Например, 37 колхозов

Харьковского округа к 15 февраля 1929 г. сдали 27 589 пудов зерна и сразу получили помощь в размере 15 тыс. пудов [Слинько, с. 80]. Зачем же, спрашивается, сдавали? Однако тут вступают в действие механизм бюрократической отчетности и местные административные интересы.

В дальнейшем, по мере роста посевных площадей в колхозах, их товарность неуклонно снижалась. В 1929 г. колхозы и совхозы засевали 5% площадей, а урожайность их составляла 8 и 8,4 ц с гектара, в то время как у единоличников — всего 7,4 ц с гектара. В 1930 г. колхозы уже отставали от единоличников по урожайности. На Украине коллективизация охватывала 35% хозяйств; колхозам принадлежало 33,7% посевов, однако они сдали всего 30% от общего объема хлебозаготовок [Очерки, с. 189–190]. Причем рыночные продажи осуществляли также единоличники, и почти весь гарнцевый сбор, составлявший в 1929 г. 16,6% заготовок, также приходился на их долю [НХ, 1932, с. 169–170, 332–343]. Единоличники кормили большую часть скота, имевшегося в деревне, и численность их семей была несколько выше, чем у колхозников. Размер посевной площади на одного члена семьи в колхозах после 1930 г. оказался больше, чем в единоличных хозяйствах, а товарность — намного меньше. Причина заключалась в поразительной неэффективности колхозного производства. В 1931 г. зерновых было собрано в колхозах в среднем 6,29 ц с гектара, в совхозах — 5,85, у единоличников — 7,48. Если бы весь урожай собирали единоличники с их скромными техническими средствами, он оказался бы выше на целых 70 млн ц (на 12%). В 1932 г. колхозы и совхозы получили 6,8 ц с гектара, единоличники — 7,7; в 1933-м — 8,8 и 9,4 соответственно, а в 1934-м колхозы — 8,5 ц с гектара, совхозы — 8,44, а единоличники — 9,41¹. И вплоть до полного вытеснения индивидуальных хозяйств они служили образцом высокой производительности, молчаливым укором колхозно-государственной системе.

Итак, оба утверждения товарища Сталина, высказанные им в брошюре «На хлебном фронте», были ошибочны. Товарность сельского хозяйства до революции не превышала уровня 1926/27 г. Совхозы и колхозы не были образцами высокотоварного эффективного производства. Однако из ложных посылок был получен

¹ Рассчитано по валовому сбору и посевным площадям [СС, 1935, с. 328–340, 361–363]. Приведенные цифры не слишком достоверны, потому что в 1933 г. была существенно изменена методика подсчета урожая (прил. 17). Но вряд ли государственная статистика могла позволить себе ошибочно преувеличить достижения индивидуальных хозяйств.

желаемый результат. На пленуме ЦК партии 7 января 1933 г. вождь докладывал о победе на хлебном фронте: «Партия добилась того, что вместо 500—600 млн пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладаний индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготавливать *1200—1400 млн пудов зерна ежегодно*» [Сталин, т. 13, с. 191].

Это, однако, был не конец, а только начало «успехов». Через два года возможности партии «заготавливать» из такого же или даже меньшего урожая почти удвоилась. В 1936—1939 гг. при большей численности сельского населения и при меньших урожаях заготовки составили 1800—2200 пудов [СХ, 1960, с. 196; *Итоги десятилетия*, с. 214—219; *Мошков*, с. 133, 230]. В 1913 г., когда сельских жителей было 114 млн, в деревне было 4300 млн пудов собранного зерна. В 1936—1939 гг. деревне оставалось в среднем всего 2400 млн пудов в год, почти в два раза меньше, чем в 1913 или 1926—1929 гг. На одного сельского жителя в день приходилось по 700—800 г зерна. Если вспомнить, что распределение по территории и социальным слоям было неравномерным, можно с горечью заметить, что значительная часть деревенских жителей была лишена куска хлеба в буквальном смысле этого слова. Сельский житель порой должен был бродить с протянутой рукой по городским улицам. Партия и лично товарищ Сталин добились того, что крестьянин стал меньше есть.

Разведка боем

Коллективизация началась за два года до ее официального объявления. В ходе индустриализации государству понадобилось больше продовольствия для быстро растущих городов истроек и для продажи на внешнем рынке, чтобы за вырученные деньги купить оборудование для заводов. Село же давало все меньше зерна, поскольку увеличение численности населения и поголовья скота вело к росту потребления зерна в деревне и повышению рыночных цен на хлеб. Нужно было поднять заготовительные цены, но платить больше власть и не могла, и не хотела, поскольку это угрожало снижением темпов индустриализации. Это вело к отказу от политики закупок и возврату к продрозверстке.

Началось с повышения сельскохозяйственного налога на хозяйство в 1928/29 г. с 18 до 28 руб., а для 890 тыс. хозяйств, отнесенных к кулацким, со 100 до 267 руб. Наряду с налогами возникло и огромное число дополнительных обязательных и «добро-

вольных» платежей, превышавших сумму налога в несколько раз¹. Непомерное финансовое давление поставило сельского жителя на грань разорения. Не меньшее значение имело решение Политбюро о конфискации хлеба у крестьян в счет налога, то есть отказ от предписанных НЭПом закупок зерна и переход к хлебозаготовкам². Зерно изымалось у более зажиточной части деревни, так называемых кулаков, и часть его (25%) распределялась среди бедной части села через комитеты бедноты. При этом рыночные цены начали стремительно расти. Так, на Украине в 1926/27 г. заготовительные цены на пшеницу были ниже рыночных на 24%, в 1927/28 г. — на 54%, в 1928/29 г. — на 210%, в 1929/30 г. — на 341% (*Збірник*, 1932, с. 115–116).

Сбор налогов и принудительное изъятие зерна сопровождалось судебными и административными мерами против неплательщиков: исключением из кооперативов и общинных организаций, запретом на участие в выборах, наделением земель при переделах в последнюю очередь, повышением ставок при получении кредитов и множеством других наказаний и ограничений. Было также специальное постановление, разрешающее сельским сходам брать на себя обязательства по поставкам зерна государству и распределять размеры поставок между отдельными хозяйствами. В случае если семья не выполняет этого решения, сельсовет имеет право налагать штраф в пятикратном размере, описывать и распродавать имущество, а 25% полученного от этого дохода отчислять в фонды коллективизации и кооперирования деревенской бедноты [*Ивницкий*, 1972, с. 115]. На Украине такое же постановление было принято правительством и ЦИК Советов Украины за подписями Г. Петровского и В. Чубаря [*Голод 1932–1933*, 1993, с. 80].

¹ За пятилетку (1928–1932) было выплачено 1989 млн руб. сельскохозяйственного налога, 4401 млн руб. обязательных платежей и 6300 млн руб. «добровольных» платежей [*Кульчицкий*, 1979, с. 208].

² Для этого применялась 107-я статья Уголовного кодекса РСФСР и аналогичная статья 127 на Украине, согласно которым «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или не выпуска на рынок карается лишением свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой» [*Прокопович*, с. 178]. Статья абсолютно не подходила, потому что крестьяне как раз старались продать зерно на рынке, но это не мешало местным властям сначала в Сибири, а потом по всей стране ходить по дворам с обысками, конфискуя найденное зерно. В 1929 г. введением статьи 61 в Уголовный кодекс РСФСР (статья 57 УК Украины) администрация получила право наказывать невыполнение плана по сдаче зерна штрафом в пятикратном размере и принудительными работами до года [*Ивницкий*, 1972, с. 110–111; *Кульчицкий*, 1979, с. 208].

Казалось бы, в этом решении заключена некоторая апелляция к общинной традиции: коллектив сам распределяет налоги внутри деревни. Однако на деле это не так. Общество не только не несло коллективной ответственности за сдачу налогов по его раскладке, но, напротив, получало прямой доход от разорения некоторых своих членов. Больше всего этот принцип напоминает мораль людоедов, которые коллективно решают, кому быть съеденным на этот раз, ориентируясь на степень упитанности жертвы.

Экономические меры дополнялись массовыми арестами. На Украине по 22 из 41 округа в 1929 г. были осуждены (в основном с конфискацией имущества) 33 тыс. человек [*Очерки*, с. 174]. По всей Украине число осужденных, вероятно, приближается к 60 тыс., что составляет примерно 2% сельских хозяйств, или половину кулаков, учтенных гнездовой переписью 1927 г. В Западной области во время хлебозаготовительной кампании 1929 г. было осуждено 3108 человек, треть из них были приговорены к лишению свободы, остальные — к принудительным работам, штрафам и конфискации имущества (WKP 61, 116). В ряде зерновых районов репрессии были еще более серьезными. В Средневолжском крае под действие уголовных статей попало примерно 20 тыс. хозяйств, в том числе около 6 тыс. с изъятием имущества. На Северном Кавказе частично или полностью было конфисковано имущество 30–35 тыс. семей, 20 тыс. человек были отданы под суд и 600 расстреляны [*Ивницкий*, 1972, с. 115].

В июне 1929 г. Шолохов пишет в Москву своей близкой знакомой Левицкой: «Вешенская 18 июня 1929 года... Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу по боку!) и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко “скорблю душой”... А вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижневолжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает. Имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится...» (Московские новости. 1987. 12 июля).

Шолохов рассказывает, что почте запрещено принимать телеграммы во ВЦИК, а незаконно обложенным не разрешают выезжать из края. Раскулачивают всех подряд без разбора.

В Сибири за саботаж хлебозаготовок были оштрафованы в пятикратном размере 13 тыс. кулацких хозяйств и почти 6 тыс. кулаков были осуждены. В Казахстане были привлечены

к ответственности 52 тыс. человек. В результате на Украине, Средней Волге, Северном Кавказе и в Сибири была отдана под суд примерно половина кулацких хозяйств, учтенных в 1927 г., а в Казахстане — практически все кулаки [Данилов, 1977, с. 213–227; 1979, с. 340–343; Ивницкий, 1972, с. 71–72, 174; Очерки, с. 174; Пиджарый, с. 16; НЭП, с. 66, 201; Проблемы аграрной истории, с. 183].

Ужесточился и характер судебных решений по всей стране. Если в 1927 г. сроки от года до десяти получили 51 652 человека, то в 1929-м их было 92 034. К принудительным работам в 1928 г. были приговорены 200 тыс. человек, а в 1929-м — 596 тыс. Число заключенных в тюрьмах увеличилось за эти годы с 146 тыс. до 183 тыс. [Ежегодник, 1931, с. 395]. Число арестованных в стране с 1927 по 1930 г. выросло в четыре с лишним раза, еще сильнее выросли репрессии против крестьянства и некоторых социальных категорий (табл. 1.2, 1.6).

Таблица 1.2. Репрессии против сельских жителей в 1927–1930 гг.

Социальный состав	1927	1928	1929	1930
Всего арестовано	23 125	36 239	99 662	278 142
Кулаки	2 137	8 280	49 949	148 297
Середняки	10 069	14 934	33 411	56 770
Бедняки	10 919	13 025	16 302	17 143
Колхозники	—	—	—	218
Без занятий	—	—	—	55 732

Примечание. Единоличники включены в категорию «Середняки». Категория «Без занятий» включает лиц без определенного места жительства, тех, кого называли деклассированными элементами или бывшими людьми. *Источник:* [Мозохин, с. 81–150].

И у каждого репрессированного оставались дома без куска хлеба жена и дети. Вот как описывает происходящее крестьянка из сибирской деревни Сумки:

«Товарищ Сталин,

Я бедная женщина, крестьянка, кругом обиженная. Наша власть на местах не выполняет твоих постановлений и приказов. Плакала я, плакала да и решила написать к тебе, все равно один конец. Но я надеюсь на тебя, на твою правду: спаси меня и моих малых деток от смерти голодной. Несмотря на то, что мой муж Василий Федосеев служил в Красной Армии, был раскулачен. Мы считались в деревне самые бедные, наш дом был ветхий, никудышный,

все у нас отняли, меня больную гоняли, гоняли и, наконец, решили жить на задах в худой избенке. Мужика сослали в ссылку — станция Усолье Уральской области в 15 роту под ОГПУ. У меня четверо детей, старшему девять, а младшей два годика, сама я нищая и больная. Верни нам нашего кормильца или прикажи нас всех добить. Наши деревенские власти ничего не хотят делать, совсем запугали всех. Пусть убивали бы совсем, так лучше было бы, чем так мучить. Вся надежда на тебя, товарищ Сталин, помоги нам, мы по занаправсу страдаем. Сколько лет мы работали и тут вдруг не нужны стали. Прости меня, бедную бабу. Великое горе и нищета пишет тебе это письмо. *Крестьянка деревни Сумки Елена Федосеева*» (ПАКО, ф. 75, оп. 1, д. 115, л. 6).

Это письмо — крохотная часть трагического, мучительного, не услышанного никем крестьянского протеста, и с каждым днем, с каждым месяцем, с каждым годом таких безнадежных протестов становилось все больше и больше.

С другой стороны, энергичные и неожиданные экспроприации 1928 г. дали блестящие результаты. В деревне, накопившей за несколько относительно благополучных лет запасы, было что брать. Пленум ЦК ВКП(б) в апреле 1928 г. не без гордости отметил: «Мероприятия партии, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок. С первого января по первое апреля удалось заготовить 110 млн пудов, больше, чем за тот же период прошлого года, то есть почти полностью наверстать потерянное» [*Коллективизация*, с. 44–49].

Это постановление демонстрирует низшую ступень экономического мышления. «Удалось заготовить», да еще больше, чем в прошлом году! Так радовался, вероятно, первобытный собиратель, которому удалось повалить дерево и обобрать плоды. Победа подталкивала к движению в том же направлении. Пленум постановил: «Не успокаиваясь достигнутыми успехами, продолжать кампанию с неослабным вниманием» [*Коллективизация*, с. 44–49].

Но в партийном руководстве не все радостно восхищались «поразительными успехами». Заместитель министра финансов Моисей Фрумкин обратился с письмом к ЦК партии, предупреждая, что политика хлебозаготовок и наступления на кулака ведет страну к голоду. В более мягкой форме эти взгляды разделяли многие руководители партии и страны, получившие название «правой оппозиции». На июньском пленуме ЦК 1928 г. правым на короткое время удалось победить. Было заявлено, что политика НЭПа продолжается,

чрезвычайные меры заготовок зерна были названы «административным произволом». Была предписана «немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности. Немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продразверстки» [*Коллективизация*, с. 60–64].

Однако главного сделано не было: Сталина не отстранили от контроля над партийными кадрами, давление на кулака не было прекращено, не был осуществлен возврат к рыночным ценам. Это позволило Сталину, не считаясь с решениями пленума, проводить прежнюю политику и с помощью закулисных маневров, шантажа и угроз перетянуть на свою сторону некоторых партийных руководителей. За сохранение Сталина на его посту выступили Калинин, Ворошилов, Рудзутак, Куйбышев и украинские лидеры (Косиор, Петровский, Чубарь), входившие в то время в узкий круг партийного руководства, принимавшего основные решения¹. Возможно, этим объясняется снижение размера заготовок на Украине, семенная и продовольственная помощь, отсрочка в погашении ссуд и ряд других разумных мероприятий, вызванных плохим урожаем 1928 г. в республике — 138,8 млн ц при 186,7 в 1927 г. (СЗ. 1928. № 43. С. 388; № 44. С. 400; № 56. С. 497; [*Народне господарство*, 1935, с. 245]). Но эти и другие разумные меры не могли изменить наиболее важного для села факта — принудительного изъятия зерна и повышенного налогового давления на зажиточных крестьян. Нажитая тяжелым трудом собственность оказалась более опасной, чем кража. Крестьянин увидел, что нельзя хорошо работать, расширять посевы, иметь несколько лошадей, коров или сельскохозяйственные машины. За все это можно попасть в категорию эксплуататоров, налоги которых превышают не только доход, но нередко и стоимость всего крестьянского имущества, так что неизбежными становятся арест и суд.

Сельское население ответило на принудительное изъятие зерна уменьшением площади посевов, сокращением поголовья скота, прекращением использования наемного труда (даже пастухов и нянек), продажей или выбрасыванием сельскохозяйственных

¹ Каменев записал разговор с Бухариным в те дни: «В общем впечатление обреченности. Не есть ли вся наша “буза” онанизм. Иногда я говорю Ефиму (секретарь Бухарина Цейтлин. — С. М.), не безнадежны ли наши дела? Если страна гибнет — мы гибнем. Если страна выкручивается, Сталин вовремя поворачивает, и мы тоже гибнем. Что делать, что делать, когда имеешь дело с таким противником: Чингизханом» (Обозрение. 1986, янв. № 18). О трагических перипетиях партийной борьбы см. [*Данилов*, 2011, ч. 1–2; *Козн*, с. 254–287].

машин, отказом от земли, бегством в город. Мечта сельского жителя иметь доходное хозяйство превращается в прямую противоположность — желание не иметь посева, быть безлошадным, безземельным, сторожем, лесником, разнорабочим. Еще лучше — партийцем, комсомольцем, сельским администратором, продавцом в кооперативной лавке. Паника крестьян не была напрасной, наличие даже неработающей сеялки окажется вскоре поводом для повышенного налога, конфискации имущества, а затем и депортации. Но чем больше падало производство зерна, тем сильнее власти давили на деревню, стараясь его получить. Хлеба не хватало.

Цена ошибки

Заканчивая описание первой стадии коллективизации, нельзя не задуматься над вопросом, а что было бы, если... В данном случае этот вопрос не кажется бессмысленным. Дело в том, что фантастический эксперимент был проделан и результаты его известны. Вопрос, таким образом, сводится не к изучению чего-то необычного, а, напротив, к рассмотрению нормальной ситуации, если бы жизнь в селе продолжалась как прежде (табл. 1.3).

В 1927 г. разрыв рыночных и заготовительных цен на пшеницу составлял на Украине 3,83 руб. за центнер [*Економічні відомості*, с. 115–116]. Таким образом, выигрыш правительства от успешного изъятия 17,6 млн ц оказался примерно равен 67 млн руб. (как максимум, так как снижение цен при больших закупках неизбежно). Это не так уж много по сравнению с обычными затратами государства на сельское хозяйство в 1927/28 г. — 771 млн руб. (из них 20 млн на колхозы, 43 млн на борьбу с засухой, 33 млн на переселение и т. д.) [*Коллективизация*, с. 30–41].

Каков же был убыток в хозяйстве страны от этой «удачной» экономии? Посевные площади в течение 5 лет (1923–1928) ежегодно росли как в целом, так и под зерновыми культурами. В среднем за пять лет посевы зерновых увеличивались на 3,2 млн га в год. Фактически в 1928 г. площади сократились на 2,5 млн га, а в 1929-м выросли только на 1,2 млн га. Доходность одного гектара, по данным налогообложения 1927/28 г., составляла 40 руб. Следовательно, убытки от сокращения роста площадей под зерном составили в 1928 г. 220 млн руб., а в 1929 — 192 млн. Аналогично рассчитаны потери доходности от животноводства (табл. 1.3).

Убытки от «крупнейшей экономии» составили за два года 1126 млн руб. Обычный налог с сельского хозяйства был равен

Таблица 1.3. Изменения параметров сельского хозяйства СССР
в 1928–1929 гг. при сохранении прежних условий развития

Годы	Фактические	Предполагаемые	Разница	Стоимость потерь, млн руб.
Посевы в год				
1923–1927	3,2	—	—	—
1928	–2,5	3,2	–5,7	228
1929	1,2	6,0	–4,8	192
Лошади				
1923–1927	1,8	—	—	—
1928	0,5	1,8	–1,3	29
1929	–1,1	3,6	–4,7	103
Крупный рогатый скот				
1923–1927	3,7	—	—	—
1928	–1,9	3,7	–5,6	101
1929	–9,5	7,4	–16,9	304
Овцы и козы				
1923–1927	7,8	—	—	—
1928	0,1	7,8	–7,7	15
1929	–13,7	15,6	–29,3	59
Свиньи				
1923–1927	2,3	—	—	—
1928	–2,6	2,3	–4,9	29
1929	–7,8	4,6	–12,4	74
Итого потери				
1928	—	—	—	402
1929	—	—	—	732

Примечание. При расчете данные округлены до млн. Посевы в млн га; скот — млн голов.

Источники: Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. 1927. 3 апр. (№ 76); [Данилов, 1977, с. 284, 298; Прокопович, с. 206, 210].

10%, так что просто в результате сбора налогов в первые же годы государство вернуло бы себе расходы на закупку зерна по рыночным ценам и в дальнейшем продолжало бы ежегодно получать заметную прибыль. Не приходится говорить, что и сама произведенная продукция (зерно, мясо, молоко) была бы не лишней. В действительности мы рассмотрели только часть потерь. Снижился рост

технических культур и огородного хозяйства. Многие десятки, если не сотни, миллионов рублей были утеряны в результате разорения по суду 160 тыс. крестьянских хозяйств, распродажи или уничтожения сельскохозяйственного инвентаря.

Наконец, нужно упомянуть косвенные потери от усилий государства по изъятию хлеба при проведении заготовительной кампании. Десятки тысяч горожан участвовали в обысках, вместо того чтобы заниматься производительным трудом. Десятки тысяч людей арестовывали, судили, охраняли кулаков, не говоря уж о том, что труд этих сотен тысяч квалифицированных земледельцев также использовался не по назначению.

Можно сказать, что «удачное приобретение», сделанное Политбюро зимой 1928 г., давшее экономию в 67 млн руб., уже в ближайшие два года принесло прямые убытки в 1–1,5 млрд руб., а вместе с косвенными расходами государство недополучило два с лишним миллиарда. Потери от этой операции с каждым годом продолжали нарастать, а экономический дикарь, окрыленный успехом, бросился преумножать богатство теми же методами.

Глава 3. ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

— Я полагаю, спору нет,
Вам все же видней, партийному:
Скажите мне, на сколько лет
Такая жизнь затеяна?..

.....

— Сначала только на пять лет.
— А там?..
— А там — на десять лет.
— А там?..
— А там — на двадцать лет.
— А там?..
— А там — навечно.
— И это твердо, значит?
— Да.
— Навечно, значит?
— Навсегда...

Александр Твардовский.
Страна Муравия

«Успехи партии» в 1928 г. в ходе хлебозаготовок были решением одной части задачи, вторая часть заключалась в том, чтобы увеличить производство зерна в стране. Увидев, что по мере усиления давления на производителя продовольствия становится все меньше (эффект шагреновой кожи), правительство решило пойти на крайние меры: полностью взять под свой контроль все сельскохозяйственное производство и распределение, создав крупные высокопроизводительные коллективные хозяйства. В ряде районов и округов этот процесс начался уже во второй половине 1929 г. А зеленый свет сплошной коллективизации был дан ноябрьским пленумом ЦК партии того же года.

Принимая это решение, советские руководители расставались с одним из своих самых устойчивых представлений — что крупные коллективные хозяйства немислимы без механизации. Ленинские 100 тыс. тракторов кочевали по страницам партийных постановлений как светлая перспектива и очевидная необходимость. Тракторов не было и 10 тыс., и они использовались в совхозах. Новые колхозы должны были стать крупными хозяйствами без тракторов. Другой переменной, очевидно не совсем отчетливо понимаемой делегатами пленума, было изменение отношений

между колхозами и советской властью. Перед коллективизацией колхозы и совхозы были любимыми детьми. Они получали львиную долю техники, кредитов, семенной и продовольственной помощи, выгодных заказов и прочих благ. Массовое колхозное движение неизбежно должно было уничтожить эти привилегии — кредитов, техники, а тем более помощи на всех хватить не могло. Напротив, давление на деревню, требование поставок зерна во всевозрастающих размерах ложится теперь на колхозные плечи. Балованному сынку суждено с этой минуты стать главным работником, с которого и весь спрос. Важным решением с далеко идущими последствиями было создание всесоюзного Наркомата земледелия. Тем самым национальные республики теряли контроль над самой «широкой» отраслью производства — сельским хозяйством.

Вопросами о темпах коллективизации, типах коллективных хозяйств и необходимых ресурсах занималась комиссия во главе с наркомом земледелия Я. А. Яковлевым. Скрепя сердце организаторы отказались от коммуны, оставив ее в качестве идеала на будущее. В колхозы объединялась земля, мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктивный скот. Какие именно домашние животные подпадают под это определение, местным властям позволялось решать самим. В качестве премии колхозы получали имущество раскулачиваемых жителей села. Для организации колхозов было решено послать 25 тыс. рабочих и мобилизовать все активные силы деревни: советы, молодежь, бедноту, сельскую интеллигенцию и т. д.

Сталин лично отредактировал рекомендации комиссии, сократив сроки, убрав предостережения против насилия, а также утверждение, что коллективизация не цель, а главное средство подъема производства. Перед местными партийными и советскими руководителями создание коллективных хозяйств было поставлено именно как главная цель.

И процесс пошел. Обещания вступающим в колхоз светлой и счастливой жизни, машин, тракторов, снижения налогов, а в случае отказа — угроза повышения налогообложения, исключение из кооперативов, конфискация земли, избиения, распродажа имущества... Страшная судьба арестованных и депортируемых соседей ослабляла сопротивление сельского жителя. Он чесал в затылке, резал потихоньку корову или овцу, говорил что-нибудь самоутешительное вроде «Против рожна не попрешь!» — и записывался в колхоз. Практически от этого в первый момент мало что

менялось. Почти нигде не было больших скотных дворов, поэтому «колхозные» лошади и коровы оставались под расписку у прежних владельцев. Перенесение инвентаря на общие площадки не очень печалило, а обязанность ходить на собрания, слушать приезжее начальство всегда признавалась сельским жителем.

Совсем иначе это согласие воспринималось в партийной среде. Это была победа, прежде всего уполномоченного по коллективизации, он ставил в своем списке галочку и увеличивал цифру охвата. Эта цифра тут же входила в сводки района, округа, области, края, республики и вскоре ложилась на широкие столы членов Политбюро. Они рассматривали цифры, следили за темпами роста, хвалили передовых бойцов и ругали отстающих. По всей стране шло отчаянное соревнование партийных аппаратов всех уровней, всем хотелось оказаться в передовиках, отличиться в изнасиловании тугодумного крестьянина, заслужить похвалу, награду, продвижение по службе. «Вам же лучше будет!», чередующееся с «Пеняйте на себя!», можно было услышать в любом захолустье. А в мозгу у активистов стучало: «Или сто процентов, или партбилет!» Декадные сводки по стране отражают эту бешеную энергию партийных чиновников, утешающих себя тем, что в будущем «эти дураки спасибо скажут», и упорное отчаяние селян, жуткий страх, принуждающий их к шагу в неизвестное. На всех партийных уровнях коллективизация проводилась по принципу «аппетит приходит во время еды». Так, ЦК КП(б)У 27 декабря 1929 г. постановил, что посевные площади республики в 1930 г. будут коллективизированы на 35%, а через два месяца он же решил полностью завершить коллективизацию в Степи к весне, а по всей Украине — к осени 1930 г. [*Исторія колективізації*, т. 2, с. 224, 345–346; *Голубничий; Ильиных*].

Вступление за четыре месяца в колхозы 930 тыс. хозяйств (по 7,8 тыс. семей в день), позволило товарищу Сталину констатировать, что «в колхозы пошел середняк» [*Сталин*, т. 12, с. 132]. После ноябрьского пленума скорость увеличилась в четыре раза, меньше чем за три месяца, к 20 января, в колхозы вошло 3,5 млн хозяйств — середняк побежал. Но после принятия решения о депортации кулаков началась настоящая гонка. Бег переходит в немислимый галоп. По 10% в декаду, по 250 тыс. семей в день. Крестьянин несся к светлому будущему с вытаращенными от испуга глазами, теряя по дороге инвентарь, скот и членов семьи. По бокам, подстегивая это и без того стремительное движение, бежали сельские активисты и рабочие-«двадцатипятидесятники». Сзади,

подталкивая мужика в спину, семенили представители райкома, на финише республиканские, окружные и краевые вожди едва успевали ставить галочки.

В предварительном забеге соревновались Нижняя Волга и Северный Кавказ. До середины февраля Северный Кавказ был впереди, и не случайно ему первому был разрешен вывоз кулаков на север, а его первый секретарь А. Андреев перешел с повышением на работу в центр. Но в двадцатых числах февраля положение меняется. Вперед вырывается ЦЧО, за ней по пятам несется Башкирия, настигаемая Татарией и Московской областью. К 10 марта на финишной прямой впереди Башкирия. Это было нарушением решения партии о первоочередной коллективизации главных зерновых районов. Но, с другой стороны, руководителей потребляющих областей можно понять. Большим зерновым регионам достаются и кредиты, и техника, и места в ЦК. А тут наконец честное соревнование, как не проявить себя, как не постараться доказать, что ты тоже кое-что умеешь.

И вдруг движение останавливается. По инерции самые непонятливые еще делают несколько шагов вперед, но остальные топчутся на месте или поворачивают обратно. В начале апреля на первое место чуть не выскочил Казахстан, руководители которого, видимо, никак не могли осознать, что соревнование отменяется. Отбой. Не веря своему счастью, крестьяне бросаются обратно. Двое из трех колхозников изменяют светлому будущему повсеместно, а в таких регионах, как Татария, ЦЧО, Московская область, разбегаются девять из десяти. Почему, взяв крепость штурмом, победители отступили? Испугались ли многочисленных крестьянских бунтов в разных концах страны? Срыва весеннего сева? Внутрипартийного переворота? Почувствовали, что процесс выходит из-под контроля? Возможно, все эти факторы внесли свой вклад в сталинское «головокружение от успехов».

Виновными, конечно, оказались местные низовые партийные работники. Перегибами было признано наступление на церковь, попытка полного обобществления хозяйств, прямое насилие, большое число раскулаченных и т. д. и т. п. Тысячи активистов, энергично выполнявших партийные решения, были отданы под суд [*Советская деревня*, т. 3, кн. 1, с. 344; *Трагедия*, т. 2, с. 479–480]. Среди пряников, врученных селу, было признание урожая озимых, засеянного бывшими единоличниками, их собственностью (за вычетом заготовок и семенного фонда артели). Колхозникам обещали оплачивать работу не только деньгами, но и зерном,

выделив для этого 5% урожая. Распоряжение было подписано самим И. Сталиным 10 апреля 1930 г. [WKP 193, 196].

Новое наступление началось осенью 1930 г. Оно шло не так быстро, но непрерывно. Повышенные налоги, установление высоких норм сдачи зерна (твердое задание), административные угрозы заставляли крестьян понемногу возвращаться в колхозы, на этот раз навсегда. Уровня коллективизации марта 1930 г. (15 млн хозяйств) страна достигла лишь через несколько лет, когда после страшного голода полностью изменилось социальное и экономическое положение жителей деревни.

Кулаки и «партейцы»¹

Одновременно с организацией колхозов проводилась кампания изгнания из деревни и «уничтожения как класс» так называемых кулаков. Признаками кулацкого хозяйства считались применение наемного труда, наличие мельницы, маслобойни или других сельскохозяйственных машин, имеющих механический двигатель, доход хозяйства, превышающий 1500 руб., больше 300 руб. на душу. (Следует заметить, что эта цифра примерно соответствовала зарплате среднего городского рабочего, который при этом платил меньше налогов и не имел никаких производственных расходов.) В то же время треть бедняцких хозяйств была вообще освобождена от налогов (СЗ. 1929. № 34. С. 301; [Залесский, с. 87; Марыхин, с. 38, 40]). К моменту расправы кулаки были уже не деревенскими богачами, а бедными, погрязшими в долгах перед государством, лишенными прав, гонимыми местной администрацией, работающими многосемейными мужиками.

Комиссия Молотова по раскулачиванию 30 января 1930 г. выпустила инструкцию по ликвидации этих кулаков. Их разделяли на три категории. Первая — опасные враги, «контрреволюционный актив» (60–80 тыс.), их арестовывало ОГПУ и приговаривало к заключению в лагеря или расстрелу. Это была профилактическая мера, изъятие из деревни лиц, которые могли бы возглавить сопротивление. Вторая — «кулацкий актив» — наиболее успешные хозяева, они подлежали выселению в отдаленные районы страны (на север, на Урал, в Сибирь, в Казахстан). Всего намечалось выслать 245 тыс. семей. Списки высылаемых составлялись администрацией районов и утверждались

¹ Проблеме разделения деревни в начале коллективизации посвящен сборник документов Смоленского архива [Максудов, 1987а].